

УДК 94(47):351.745(091)

А. А. Кузьмин

**Трудовая повседневность нижних чинов полиции Санкт-Петербурга
в конце XIX — начале XX века**

В статье на основе архивных и опубликованных материалов анализируются особенности трудового быта нижних чинов столичной полиции в конце XIX — начале XX века. Автор рассматривает должностные обязанности околоточных надзирателей и городских, их жалование, анализирует проблемы, с которыми они сталкивались в процессе службы. Доказано, что нижние чины полиции играли важную роль в обеспечении порядка в столице, круг их обязанностей был довольно обширен, но при этом обнаруживается часто недобросовестное использование ими своего должностного положения и регулярное злоупотребление полномочиями.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, полиция, трудовая повседневность, нижние чины полиции, околоточные надзиратели, городские.

История повседневности — активно развивающееся направление в отечественной исторической науке, что подтверждается появлением в последнее время специальных исторических исследований, которые освещают проблемы повседневности различных социальных групп [2, 3, 9, 10, 18], а также проводятся конференции [13] и создаются специальные журналы, посвященные проблемам повседневности. В частности, в Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина с 2016 г. начал выходить специальный журнал «История повседневности» [6].

В данной статье речь пойдет о трудовой повседневности нижних чинов полиции Санкт-Петербурга.

Одной из основных функций столичной полиции являлось обеспечение общественной безопасности в городе, пресечение антиобщественных действий. Важнейшую роль в выполнении данных функций играли нижние чины. Именно от их работы во многом зависело общественное спокойствие в столице, поскольку они реализовывали на местах распоряжения вышестоящих чинов и контактировали напрямую с жителями города.

К нижним чинам полиции Санкт-Петербурга необходимо отнести околоточных надзирателей и городских. Согласно штатному расписанию, должность околоточного надзирателя соответствовала XIV классу и они входили в категорию младших полицейских служителей.

В результате реформы полиции Санкт-Петербурга в 1866—1867 гг. вся столица была поделена на участки, а участки — на околотки, в которых проживало 3—4 тысячи человек. В каждый околоток назначалось по два околоточных надзирателя, из которых один организовывал работу городских своего околотка, проверял полицейские посты, наблюдал за наружным порядком, а второй вел внутренний надзор за народонаселением, в частности обходил дома, гостиницы, следил за прибывшими и выбывшими в своем околотке, тем самым пресекал преступления [4, с. 192].

По штатам 1887 г. распределение околоточных надзирателей столичной полиции выглядело следующим образом: в Адмиралтейской части (участки 1, 2) — 23 надзирателя; Казанской (1, 2, 3 участки) — 20 надзирателей; Спасской (1, 2, 3, 4 участки) — 42 надзирателя, Коломенской (1, 2 участки) — 16 надзирателей; Нарвской (1, 2, 3 участки) — 10 надзирателей. В 1897 г. число околоточных надзирателей было увеличено на 65 человек. Из них 11 первого разряда, 18 — второго, 36 — третьего [23, л. 87]. В дальнейшем

© Кузьмин А. А., 2016

количество околоточных надзирателей росло в связи с увеличением численности населения столицы и возрастанием объема работы.

По штатам, утвержденным в 1876 г., околоточные надзиратели получали 450 руб. и 100 руб. на обмундирование, городовые — 160 руб. и 80 руб. на обмундирование [18, с. 120]. В 1887 г. были разработаны новые штаты, по которым размер жалованья околоточного надзирателя зависел от его разряда. Они присваивались с соблюдением старшинства: из 3-го во 2-й и из 2-го в 1-й разряд, новый разряд присваивался после службы в предшествующем не менее пяти лет при согласии начальства. По штатам на 1887 г. жалованье околоточного надзирателя III разряда составляло 650 рублей, II разряда — 700 и I разряда — 800 рублей в год [22, л. 10].

Новое увеличение жалованья чинам столичной полиции произошло в 1905 г. на основании закона, утвержденного императором, «Об увеличении окладов содержания чинов Санкт-Петербургской столичной полиции». Согласно этому закону, оклады содержания околоточным надзирателям увеличили на 120 руб., а городовым — на 60 руб. [17, с. 891].

Безусловно, жалованье околоточным надзирателям по тогдашним меркам не соответствовало огромному объему работы и большой продолжительности рабочего дня.

Околоточные надзиратели выполняли множество административных функций: «Они, принадлежа к составу полицейской стражи, ближайшим образом осуществляют полицейский надзор, следя непосредственно за службою городских и, в то же время, наблюдая за населением, они служат проводником всех административно-полицейских распоряжений, посредством их вводятся в жизнь эти распоряжения, и через них контролируется действительное исполнение оных» [23, л. 81]. Околоточные надзиратели осуществляли проверку правильности ведения домовых книг, регистрации и паспортов приезжих; вручение повесток; контроль над своевременностью открытия и закрытия торговых заведений и многое другое. Околоточные надзиратели, помимо охраны порядка в околотке, были обременены многочисленными обязанностями по составлению протоколов о нарушениях, взиманию городских сборов, производству разных казенных и административных взысканий, исполнению судебных решений и требований разных мест и учреждений [20, л. 81]. На околоточных надзирателей возлагались различные обязанности, связанные с обеспечением порядка на дорогах города, в частности наблюдение за состоянием «легковых экипажей, ломовых возов, омнибусов, недопущение к езде лошадей: хромых, слепых, при одиночной запряжке; наблюдение, чтобы каждый легковой экипаж был снабжен пломбою и металлическим номером за текущий год, имея фартук и коврик, сани же вместо фартука должны иметь теплую полость, и наконец, и ломовой воз должен быть снабжен металлическим номером за текущий год, наблюдение, чтобы платье кучера легкового извоза и запряжка лошадей были вполне опрятными» [26, л. 3].

К тому же ряд обязанностей околоточных надзирателей был связан с делами, исходящими из Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге. В частности, в их обязанности входило «недопущение сходок молодежи и учащихся, студентов императорского Университета и др. высших учебных заведений, недопущение исполнения народного гимна в частных увеселительных заведениях, в садах и улицах, недопущение приготовления из сахара и шоколада бьюстов Высочайших особ и выставления таковых в окнах, наблюдение за проживанием лиц, коим это воспрещено, недопущение распространения воззваний и брошюр, а равно за распространением печати вразнос, оказание быстрого и полного содействия чинам Корпуса жандармов в случаях обращения их к общей полиции» [26, л. 5].

При обнаружении правонарушения околоточный надзиратель должен был составить на месте нарушения протокол для заведения полицейского дела, где фиксирова-

лось место и время происшествия, подробное описание происшествия, участников и их званий и, если известно, предполагаемое местонахождение. В протоколе расписывались понятые и свидетели и указывались их личные данные. Если в результате правонарушения был причинен вред здоровью, то необходимы были свидетельства врача и полицмейстера. В случае нарушения правил о мануфактурах и фабриках помимо свидетельств врача и полицмейстера требовалось свидетельство губернского механика. После составления протокол отправлялся в участок, где его рассматривал участковый пристав [18, с. 112—113].

Если при участках не было собственных помещений для содержания арестованных, составлялись бумаги, с которыми задержанные отсылались в другие участки, в управления сыскной полиции, в полицейские дома или к судебным следователям и мировым судьям.

Если задержанный не обвинялся в преступлениях или проступках, влекущих за собой тюремное заключение, то на него первоначально наводили справку по адресным листкам, не проживает ли он в районе их участка. Если его проживание на участке подтверждалось, то немедленно составлялся протокол о совершенном нарушении и задержанный отпускался домой. В тех случаях когда обвиняемый проживал в каком-либо другом участке, для установления его личности и точного адреса он под конвоем городского отсылался в свой участок, откуда возвращался обратно для составления протокола и освобождения [20, л. 80].

Порядок усложнялся при обвинениях в кражах и более тяжких преступлениях: после установления личности обвиняемый под конвоем следовал в управление сыскной полиции, где наводились справки о его прежней судимости. Затем участковое управление отсылало обвиняемого к судебному следователю или мировому судье. «Пересылка арестованного из одного участка в другой, в управления сыскной полиции, к судебным властям, в полицейские дома и т.п. при обширности города и ввиду необходимости наведения справок продолжалась иногда несколько дней, прерываясь ночлегами в полицейских домах, куда арестованный поступал из участка. Утром он возвращался в тот же участок и продолжал свое движение, пока личность его не будет окончательно удостоверена и не будут собраны определяющие подсудность дела и сведения о судимости» [20, л. 80].

Лица, задержанные за нищенство, и беспаспортные по исполнении всего предыдущего поступали: первые — в распоряжение Высочайше утвержденного комитета для разбора и призрения нищих, а последние заключались под стражу и отправлялись в паспортное отделение или отделение по числению запасных войск канцелярии градоначальника, несмотря на звание задержанного. Протоколы представлялись в отделения, которые выдавали задержанным отсрочки для пребывания в столице или же высылали их на родину. В первом случае получивший отсрочку возвращался из полицейского дома в участок, который и отправлял его на место жительства [20, л. 81].

Наиболее сложными полицейскими участками в Санкт-Петербурге считались 2-й, 3-й и 4-й Спасские: «участки, отличающиеся: 3 Спасский — обилием населения, 2 — ввиду тяжелой наружной службы, 4 — как населенный евреями» [20, л. 77]. Можно добавить, что в этом центральном районе Санкт-Петербурга располагалось большое количество торговых и питейных заведений, что привлекало нищих, бродяг, попрошайек и воров. Так, в третьем участке Спасской части, в районе которого была расположена Сенная площадь, число ежедневно задерживаемых лиц достигало 60—87 человек. В числе задержанных были лица, взятые по обвинению в кражах, обвиняемые в обмере и обмане при торговле и других поступках, нищие, извозчики, задержанные за скорую езду, торговцы, нарушившие обязательные постановления Городской думы о разносной торговле, беспаспортные, арестованные для исполнения судебных приговоров и по распоряжениям судебных вла-

стей, люди, доставленные из других участков для удостоверения их личностей по месту жительства [20, л. 80].

Помимо выявления правонарушений надзиратели также занимались потерянными в околотке вещами. Найденные вещи отправлялись в канцелярию градоначальника, а с 1897 г. — в созданный при сыском отделении стол находок. При обнаружении потерянной вещи или денег составлялся протокол с описанием находки и обстоятельств ее обнаружения, а затем давалось объявление в газете «Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства и столичной полиции». Если за потерянной вещью никто не обращался, то она становилась собственностью нашедших, а в случае обнаружения ее чинами полиции она шла в доход казны и продавалась с аукциона [12, с. 118—119]. Так, «в 4 участке Литейной части задержан неизвестно кому принадлежащий боров, белой масти. Владелец этого борава приглашается за взятием его к смотрителю полицейского дома Литейной части с ясными на принадлежность доказательствами. Причем объявляется, что означенный боров в случае неявки владельца по истечении двухнедельного срока будет продан с аукциона» [1, с. 3].

Безусловно, работа околоточных надзирателей была чрезвычайно напряженной как физически (участие в нарядах, наблюдение за чистотой и порядком в своих околотках, надзор за общественными учреждениями), так и умственно (выполнение дознаний и составление протоколов). Примером повседневной напряженной работы могут служить воспоминания околоточного надзирателя: «Работы по горло. Работаешь и днем, и ночью, и утром, и вечером. И за тем наблюдай, и за этим. Домовладелец снега со двора не вывозит — околоточный виноват. У другого выгребные ямы не в порядке — опять же с нас взыскивают.

Там чей-то сенбернар ни с того ни с сего вскочил в сани и укусил барышню — снова околоточному работа. Производи, стало быть, дознание: чья собака, и не бешеная ли, и первый ли это случай нападения на прохожих? Здесь — понукай дворников, чтобы в голледуцу панели посыпали, да не солью, от которой, говорят, портятся калоши, а песком.

Видите ли, с утра маковой росинки во рту не было — некогда. Обойдешь свой околоток, спешишь на работу в участок. Из участка бы следовало домой забежать — никак невозможно — разноси квартирантам вот эти повестки — сами видите, сколько их тут у меня: целый портфель...» [8, с. 157].

Необходимо отметить, что часто происходили ситуации, когда надзиратели не выполняли большой круг своих обязанностей, нередко нарушая их, и даже злоупотребляли своими полномочиями, на что регулярно указывал в своих разъяснениях чинам полиции градоначальник. Так, «околоточные надзиратели позволяли себе иногда уклоняться от составления по разным случаям протоколов и от исполнения некоторых поручений приставов. Околоточные надзиратели часто позволяли себе не являться для наружной службы на определенные в участке пункты» [27, л. 5], за что градоначальнику при осмотре города лично приходилось подвергать их взысканиям. Одной из причин данных ситуаций являлось отсутствие должного надзора за службой околоточных надзирателей со стороны приставов, о чем свидетельствуют очень редкие замечания в постовых книжках городских при обходах помощников приставов и околоточных надзирателей. Контролирующие чины преследовали не интересы порядка, а личные интересы, заключающиеся в том, чтобы поскорее расписаться в этих книжках и отправиться домой [27, л. 5].

Помимо этого существовала проблема злоупотребления должностным положением со стороны околоточных надзирателей и городских, а также контроля за служебной деятельностью со стороны околоточных надзирателей за последними. Околоточные надзиратели во время дежурств если не сами чинили с арестованными расправу, то позволя-

ли это городовым, поведение которых на постах, придирки к извозчикам и дворникам, выпрашивание по лавкам отпуска им в долг свидетельствуют о частой бездеятельности околоточных надзирателей по надзору. Также околоточные надзиратели позволяли себе бесплатные разъезды на извозчиках, что было строго запрещено [27, л. 5].

Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах страны. Так, в Москве в 1881 г. обер-полицмейстер Янковский в напутствии своим подчиненным говорил следующее: «Некоторые нижние чины полиции при выполнении своих служебных обязанностей по охранению общественного порядка позволяют себе прибегать к личной расправе, выражающейся разными грубыми выходками, а иногда и побоями, наносимыми лицам простого звания... Причем предвзвешается, что на будущее время за всякий подобный поступок виновные в том нижние чины, как равно и участковые пристава за слабый надзор за ними, будут неминуемо подвергаемы строгой ответственности» [7, с. 226].

Околоточным надзирателям подчинялись городовые, которые являлись нижними чинами полиции. Должности городских подобно околоточным надзирателям делились на три разряда. Для перехода в следующий разряд городской должен был отслужить пять лет, а также иметь положительную характеристику непосредственного начальника. «Городовые разделяются на три разряда и переводятся с соблюдением старшинства, из 3-го и из 2-го в 1-й разряд, не раньше как по прослужении пяти лет в каждом разряде, если притом будут признаны начальством достойными такого повышения» [21, л. 10]. Несмотря на то что городовые числились на действительной государственной службе, они не могли пользоваться правом на производство в чины и на получение пенсии из государственного казначейства. Как и околоточные надзиратели, при выходе на пенсию городовые получали ее из эмеритальной кассы чинов Санкт-Петербургской полиции. Законом, подписанным императором, было утверждено «производить начиная с 1885 года вычеты из содержания, получаемого чинами полицейской команды, в размере 3% для образования фонда кассы, в которые зачислять также и всякие случайные поступления, как-то: вознаграждения за частные наряды, за успешность взыскания марочного сбора и т.д.» [16, с. 139].

Городовые выполняли всю черновую полицейскую работу, из-за чего ее объем был одним из самых больших среди полицейских чинов Санкт-Петербурга. На них возлагалась караульная и патрульно-постовая служба, обыски, проверки ночлежек и постоянных дворов, а также они конвоировали задержанных. Городовые, кроме отбывания постовой службы, определяемой теоретически в 8 часов в сутки, а фактически продолжавшейся гораздо дольше, несли еще службу дежурных подчастков, являлись свидетелями в суды и к судебным следствиям и пр. Также в их обязанности входило предотвращение и предупреждение преступлений, для этого они контролировали швейцаров и дворников, собирали у них информацию, следили за слухами в обществе и проверяли эти слухи. Помимо этого городовых регулярно задействовали в массовых мероприятиях [14, с. 27—28].

В инструкции городовому особо выделялись нравственные качества, которыми он должен был обладать: «вести честную и незазорную жизнь, воздерживаться от пьянства не только на службе, что само собой разумеется, но и вне нее. Все требования, которые городской имеет законное основание предъявить, он должен предъявлять исключительно вежливо, не грубо и ни в коем случае не оскорбительно или обидно. Городовые должны были становиться примером пристойного поведения. Точно так же городской не должен был вступать в конфликт, если обида была нанесена ему, а спокойно попросить пройти обидчика к участковому приставу для разбирательства» [14, с. 28].

Городовые либо выставлялись на посты, либо им давались служебные задания, например конвоирование арестованных из участка в участок и в сыскное отделение. Посты

городовых делились на два типа: неподвижные, для статичного наблюдения за соблюдением порядка на улице и за дорожным движением (посты были оборудованы будкой); и подвижные посты, задачей которых являлся обход определенной территории для предотвращения столпотворений, езды верхом по тротуарам, перегораживания проезжей части. Распределение неподвижных постов по городу было неравномерное. Больше всего постов имелось в центре города, что объяснялось большим скоплением людей, а также нахождением высокопоставленных лиц. На центральные посты городских подбирали по внешнему виду — они должны были иметь статный вид. Если это были пожилые городские — то только с большой бородой и увешанной медалями грудью, если молодые — то рослые, с красивыми усами. Такие городские являлись еще одним украшением улиц Санкт-Петербурга. Также обязательный пост был у фабрик и заводов для пресечения всяких беспорядков. Если происходили волнения, то туда перебрасывали городских из центральных районов. На окраинах города постов городских было значительно меньше, а расстояние между постами было большим [18, с. 114; 15, с. 62—63].

Стоящему на посту городскому разрешалось иметь при себе револьверы. Использовать оружие городские могли в случаях: 1) когда на чина полиции совершается открытое нападение при исполнении им обязанностей службы; 2) когда он подвергается насилию с целью воспрепятствования ему исполнению обязанностей; 3) в случаях, когда способность действия чинов полиции обуславливается требованием закона относительно самозащиты и необходимой обороны. К этим случаям относилось: вооруженное противодействие и такое же сопротивление, а равно и всякое насилие над полицейским чином, в то время когда он находится в положении часового или конвоира, а также противодействие или сопротивление, хотя бы невооруженное, несколькими лицами против одного чина полиции или же толпой [25, л. 185—186].

Если городской хотел отлучиться с неподвижного поста, что разрешалось только в крайних случаях, то он был обязан поставить на пост вместо себя дворника с бляхой, а последний должен был знать, куда и зачем городской отлучился. Если же вышестоящее начальство обнаруживало пост пустым, то городской наказывался [27, л. 7].

Постовая служба была связана не только с риском получения выговора от начальства и попаданием на гауптвахту. «Как темной ночью, так и среди белого дня городские могли получить ранение, а то и расстаться с жизнью. Особенно много полицейских погибло во время Первой русской революции» [7, с. 342].

Для городских, как и для остальных чинов полиции, существовали дисциплинарные взыскания: 1) замечание, 2) выговор, 3) выговор с внесением в штрафной журнал, 4) наряд вне очереди на службу, 5) простой арест на время до 1 месяца, 6) строгий арест на время до 20 суток, 7) вычет из жалованья, 8) перемещение с высшего разряда на низший, 9) перевод в служительскую команду, 10) увольнение со службы. Но несмотря на это, городские регулярно нарушали дисциплинарные обязанности. Так, некоторые городские на постах занимались услугами частным лицам, отворяя у подъездов дверцы карет, за что получали на чай. Помимо этого они недобросовестно следили за арестантами, из-за чего часто происходили побеги последних, на что указывал в своих разъяснениях полицейским надзирателям градоначальник, а также на то, что городские, посылаемые с арестантами, «должны быть вполне благонадежны, ежели посылаются в качестве конвойных» [27, л. 7].

Происходили ситуации, когда околоточные надзиратели при обходе заставляли городских в нетрезвом виде, после чего их отправляли под арест, а затем в большинстве случаев увольняли со службы [25, л. 2, 43, 150]. Но такое наказание за нарушение должностных обязанностей и злоупотребление ими наблюдалось не на всей территории страны. Так, в

более отдаленных от столицы регионах, в частности на Урале, судебные решения принимались редко: «если в 1890-х — 1906 гг. количество переданных в суд дел варьировало от 52 до 67%, то в период 1907—1913 гг. — уменьшилось до 13—18%. Иными словами, с течением времени нижние полицейские чины также стали «оберегаться» уральскими губернскими правлениями от судебного преследования. Достигалось это систематической интерпретацией фактов злоупотребления служебным положением в пользу обвиняемого чиновника» [11, с. 30].

В связи с низким денежным довольствием городских (на 1876 г. городской получал 160 руб. в год, на 1887 г. должность городского была разделена на три разряда, согласно которым III разряд получал 310 руб. в год, II разряд — 370 руб., I — 430 руб. в год) [21, л. 3; 23, л. 10] постоянно ощущался недостаток в их количестве. В 1905 г. градоначальник Санкт-Петербурга подчеркивал: «...недостаточность числа городских является причиной малочисленности постов, которые в некоторых участках, особенно в пригородных, стоят друг от друга на расстоянии 2—3 верст, и вызывает нарекания местных жителей на отсутствие близкой полицейской охраны» [24, л. 6].

При пересмотре штатов в 1884 г. градоначальник генерал Грессер находил, что для установления правильного полицейского надзора состав городских в столичной полиции не может быть менее 2150 человек. В 1897 г. градоначальник сообщил Министерству внутренних дел о заниженности штатов городских: «...площадь соответственно СПб включает в себе 80 кв. верст, а четыре пригородных участка (Лесной, Полюстровский, Шлиссельбургский и Петергофский) — 219 верст, причем все это пространство — около 300 верст. По действующим штатам положено лишь 1741 чел. городских, считая в составе их и тех, которые предназначены исключительно для службы в коммерческом порте и при вокзалах железных дорог» [23, л. 90].

Таким образом, можно сделать вывод, что нижние чины Санкт-Петербургской полиции играли одну из важнейших ролей в организации общественной безопасности и спокойствия в столице. Круг их обязанностей был обширен. Помимо охраны порядка на околоточных надзирателей и городских накладывалось огромное количество административных функций. По этой причине, а также в связи с низким денежным довольствием, а в ряде случаев и с большими властными полномочиями нижние чины полиции часто нарушали дисциплину, иногда злоупотребляли своим положением, о чем свидетельствуют рапорты полицейских надзирателей, полицмейстеров, а также разъяснения градоначальника чинам полиции. О злоупотреблениях, совершаемых чинами полиции, можно судить по отношению жителей города к ним: «Большинство владельцев торговых и питейных заведений, трактиров и т. д. не видели в подношениях полицейским ничего криминального. В их глазах это считалось нормальной традицией, освященной веками — “как наши отцы давали и как после нас будут давать...”» [5, с. 125].

Тем не менее без статного, с большой бородой и полной орденов грудью городского нельзя было представить Санкт-Петербург конца XIX века.

Список использованных источников и литературы

1. Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства и столичной полиции. 1880. 28 июня, № 146.
2. Веремко В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб. : Европейский дом, 2007. 624 с.
3. Веремко В. А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 4, № 3. С. 138—144.
4. Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство 1703—1903 гг. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 346 с.

5. Говоров И. В. Проблема коррупции в российской полиции на рубеже XIX—XX вв. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 122—140.
6. История повседневности. Научный журнал. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2016. № 1.
7. Кокорев А. О., Руга В. Э. Повседневная жизнь Москвы. Московский городской, или Очерки уличной жизни. М. : Астрель, 2012. 480 с.
8. Лен К. В. К вопросу о роли околоточного надзирателя в правоохранительной деятельности Российской империи второй половины XIX в. // Вестник Барнаульского юридического университета МВД России. 2015. № 2. С. 156—159.
9. Любичанковский С. В. Новейшая историография о повседневной жизни провинциальных мещан // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2014. № 11. С. 139—141.
10. Любичанковский С. В. Проблема определения субъекта повседневности в историческом исследовании // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 3. С. 150—153.
11. Любичанковский С. В. Становление и развитие неформального объединения уральского губернско-го чиновничества в конце XIX — начале XX в. // Acta Slavica Japonica. 2010. Т. 28. С. 23—49.
12. Лядов А. О. Уголовный сыск в дореволюционной России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 186 с.
13. Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) : сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. А. Веремко ; [отв. ред. С. В. Степанов]. СПб. : Культурно-просветительское товарищество, 2016. 418 с.
14. Назаренко А. М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906—1913 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 234 с.
15. Пискарёв П. А., Урлаб Л. Л. Милый старый Петербург. Воспоминания о быте старого Петербурга в начале XX века. СПб. : Гиперион, 2007. 334 с.
16. Полный Свод Законов Российской империи (далее ПСЗ). Собр. 3-е. Т. V. № 2855.
17. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XXV. № 27047.
18. Помигалов А. А. Санкт-Петербургская полиция в XIX в.: структура, организация, деятельность : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 186 с.
19. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, История. № 1. С. 8—22.
20. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1149. Оп. 10. Д. 133.
21. РГИА. Ф. 1149. Оп. 11. Д. 32.
22. РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 120.
23. РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 121.
24. РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 96.
25. ЦГИА СПб. (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 962. Оп. 3. Д. 80.
26. ЦГИА СПб. Ф. 1648. Оп. 1. Д. 152.
27. ЦГИА СПб. Ф. 1648. Оп. 1. Д. 323.

Поступила в редакцию 08.07.2016 г.

Кузьмин Алексей Анатольевич, аспирант

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Российская Федерация, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

E-mail: raul7aleks@yandex.ru

UDC 94(47):351.745(091)

A. A. Kuz'min

Everyday working life of low rank policemen in Saint-Petersburg of late XIX — early XX centuries

The article analyzes the peculiarities of everyday working life of low rank policemen in late XIX — early XX centuries based on archival and published facts. The author examines the duties of police officers and lower rank policemen in Russian Empire of the 19th century, their salary, analyzes the problems they faced during work. It is proved that lower rank policemen played an important role in public order in the capital, their duty was vast enough, but at the same time it becomes clear that they used their official capacity carelessly and abused their power regularly.

Key words: Saint-Petersburg, police, everyday working life, low rank policemen, police officers, lower rank policemen in Russian Empire of the 19th century.

Kuz'min Aleksey Anatolyevich, Postgraduate student
Leningrad State University named after A. S. Pushkin
Russian Federation, 196605, Saint-Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 10
E-mail: raul7aleks@yandex.ru

References

1. *Vedomosti Sankt-Peterburgskogo Gradonachal'stva i stolichnoi politzii* [Journal of St. Petersburg governor's office and metropolitan police]. 1880, June 28, no. 146. (In Russian)
2. Veremenko V. A. *Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Noble family and the state policy of Russia (second half of XIX — early XX century)]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2007. 624 p. (In Russian)
3. Veremenko V. A. Organizatsiya akusherskoi pomoshchi dvoryankam v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Obstetric care for the nobles in Russia in the second half of XIX — early XX century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2011, vol. 4, no. 3, pp. 138—144. (In Russian)
4. Vysotskii I. P. *Sankt-peterburgskaya stolichnaya politziya i gradonachal'stvo 1703—1903 gg.* [St. Petersburg Metropolitan Police and local authority in 1703—1903]. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1903. 346 p. (In Russian)
5. Govorov I. V. Problema korruptsii v rossiiskoi politzii na rubezhe XIX—XX vv. [The problem of corruption in the Russian police at the turn of XIX—XX centuries]. *Noveishaya istoriya Rossii*, 2011, no. 2, pp. 122—140. (In Russian)
6. *Istoriya povsednevnosti* [The history of everyday life]. *Nauchnyi zhurnal. Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2016, no. 1. (In Russian)
7. Kokorev A. O., Ruga V. E. *Povsednevnyaya zhizn' Moskvyy. Moskovskii gorodovoi, ili Ocherki ulichnoi zhizni* [Everyday life in Moscow. Moscow policeman, or Sketches of Street Life]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 480 p. (In Russian)
8. Len K. V. K voprosu o roli okolotochnogo nadziratelya v pravookhranitel'noi deyatelnosti Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX v. [The role of a police officer in law enforcement activities of the Russian Empire in the second half of the XIX]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 2, pp. 156—159. (In Russian)
9. Lyubichankovskii S. V. Noveishaya istoriografiya o povsednevnoi zhizni provintsial'nykh meshchan [The newest historiography of the everyday life of the provincial townspeople]. *Klio. Zhurnal dlya uchenykh*, 2014, no. 11, pp. 139—141. (In Russian)
10. Lyubichankovskii S. V. Problema opredeleniya sub'ekta povsednevnosti v istoricheskom issledovanii [The problem of determining the subject of everyday life in historical research]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN — Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2012, vol. 14, no. 3, pp. 150—153. (In Russian)
11. Lyubichankovskii S. V. Stanovlenie i razvitie neformal'nogo ob'edineniya ural'skogo gubernskogo chinovnichestva v kontse XIX — nachale XX v. [Formation and development of an informal association of provincial officials in the Urals in late XIX — early XX century]. *Acta Slavica Japonica*, 2010, vol. 28, pp. 23—49. (In Russian)

12. Lyadov A. O. *Ugolovnyi sysk v dorevolyutsionnoi Rossii : dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal investigation in pre-revolutionary Russia: Cand. Dis.]. St. Petersburg, 1997. 186 p. (In Russian)
13. *Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyi aspekt) : sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. / pod obshch. red. V. A. Veremenko ; (otv. red. S. V. Stepanov)* [Material factors and entrepreneurship in the everyday life of the Russian population: Past and Present (regional aspect): coll. materials of intern. scientific. conf. / ed. by V. A. Veremenko; ex ed. S. V. Stepanov]. St. Petersburg, Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo Publ., 2016. 418 p. (In Russian)
14. Nazarenko A. M. *Sankt-Peterburgskaya stolichnaya politsiya (1906—1913 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk* [St. Petersburg Metropolitan Police (1906—1913): Cand. Dis.]. St. Petersburg, 2000. 234 p. (In Russian)
15. Piskarev P. A., Uralab L. L. *Milyi staryi Peterburg. Vospominaniya o byte starogo Peterburga v nachale XX veka* [Lovely old Petersburg. Memories of life of old St Petersburg at the beginning of the XX century]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 334 p. (In Russian)
16. *Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii* [Full Code of Laws of the Russian Empire] (dalee — PSZ). Sobr. 3-e, vol. V, no. 2855.
17. PSZ. Sobr. 3-e, vol. XXV, no. 27047.
18. Pomigalov A. A. *Sankt-Peterburgskaya politsiya v XIX v.: struktura, organizatsiya, deyatel'nost' : dis. ... kand. ist. nauk* [St. Petersburg police in the XIX century: structure, management, activity: Cand. Dis.]. St. Petersburg, 2009. 186 p. (In Russian)
19. Pushkareva N. L., Lyubichankovskii S. V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole [Understanding the history of everyday life in the modern historical research from the School of Annals to Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2014, vol. 4, Istoriya, no. 1, pp. 8—22. (In Russian)
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1149. Op. 10. D. 133.
21. RGIA. F. 1149. Op. 11. D. 32.
22. RGIA. F. 1149. Op. 12. D. 120.
23. RGIA. F. 1149. Op. 12. D. 121.
24. RGIA. F. 1149. Op. 13. D. 96.
25. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (TsGIA SPb.). F. 962. Op. 3. D. 80.
26. TsGIA SPb. F. 1648. Op. 1. D. 152.
27. TsGIA SPb. F. 1648. Op. 1. D. 323.